

БОГАТЫРСКИЕ СИЛЫ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА

В очередной подборке писем наших читателей выступают со своими мнениями, сомнениями и тревогами относительно нашей сегодняшней жизни очень разные люди – наши читатели из далёких уголков России и из Москвы. Но во всех письмах живёт одна идея: пора простым русским людям приниматься за возрождение России – начиная со своей деревни, о чём пишет наш читатель Юрий Иванович Фадеев из калужской деревни Бортники. Но возрождение России не может состояться без морального и нравственного укрепления нашего общества – речь об этом идёт в письмах Юрия Геннадьевича Маркова из Новосибирска и Михаила Ивановича Фёдорова из Воронежа, который, рассказывая о работе 13-го Всемирного Русского Народного Собора, проходившего в мае этого года в Москве, уделяет особое внимание роли Православия в духовном возрождении нашего народа. Михаил Алексеевич Жутиков в своём письме обращается к насущным проблемам выживания человечества на планете Земля, стоящей перед острым кризисом цивилизации. И в преодолении этого кризиса не обойтись, конечно, без участия “маленького” человека, обладающего, на самом деле, богатырскими силами.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОБЩИНЫ. ОПЫТ ДЕРЕВНИ БОРТНИКИ

Уважаемая редакция!

Написать вам меня заставила ситуация, сложившаяся сейчас в сельских районах России после выхода известного Закона Российской Федерации о местном самоуправлении. Я сам житель старинной русской деревни Бортники Тарусского района Калужской области, и меня очень занимают вопросы восстановления русской сельской общины, которая существовала на Руси испокон веков.

На первый взгляд, некорректно сравнивать “дела давно минувших дней...” с нынешней ситуацией. Однако, как и прежде, деревня существует, она наделена землёй, на этой земле живут люди, и разве не интересно знать – прогрессируем ли мы в своей деревенской социальной организации или, не дай Бог, деградируем!

Деревня Бортники типична для множества деревень центральной России, хотя в каждом конкретном случае всегда можно усмотреть те или иные отличия.

Я 16 лет живу в деревне, каких только указов и постановлений не пережил, но сейчас приходится жить в условиях нового Федерального Закона Российской Федерации “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” № 131-ФЗ от 6 октября 2003 года.

Однако начать хочу издалека. Наша деревня Бортники старинная и на карте Тарусского уезда обозначена была ещё в 1789 году, хозяйствовали в ней государственные крестьяне, крепостных не было (и тому есть доказательство). В 1838 году в Тарусском уезде учреждено волостное управление государственными крестьянами, и Бортники становятся волостным поселением, управляемым сельской общиной.

Следует пояснить, что государственные крестьяне – особое сословие в старой России, оформленное указами Петра I из оставшегося не закрепощённым сельского населения. Они жили на казённых землях, несли повинности в пользу государства, считались лично и экономически свободными. В середине XIX века государственные крестьяне составляли около 50% крестьянства. Таким образом, уже в дореформенный период, в отличие от помещичьих, у государственных крестьян существовала волостная община, включавшая в себя сельские общества, состоявшие, в свою очередь, из общин отдельных деревень.

В послереформенный период всё крестьянское население России было организовано в общности трёх уровней: волость, сельское общество и деревенская община. Статус и структура были законодательно определены «Общим положением о крестьянах» (1861 г.).

Сельская община на Руси представляла собой локальный вариант общерусского социального института и была самоуправляемым, хозяйственно-экономическим, поземельным, податным, судебным и религиозно-обрядовым союзом семей – дворов-хозяйств одного или нескольких соседних селений. Она была универсальным, в значительной мере самодостаточным социальным организмом.

Главная функция деревенской общины – регулирование земельных отношений между входящими в неё дворами-хозяйствами. Община владела и пользовалась следующими земельными угодьями: усадебной и пахотной землями, сенокосами, выгонами для скота, участками леса, землями под дорогами, пустошами, водоёмами, болотами и др. Для всех этих общинных угодий существовал свой устанавливаемый общий порядок пользования и распределения.

Не вдаваясь в глубокий анализ отдельных сторон жизни русской общины, следует признать, что этот порядок был демократичен и справедлив.

Высшим органом крестьянского самоуправления на уровне деревенской общины являлся сход хозяев дворов. Решения о мерах против недоимщиков принимались исключительно на общих сходах. Также мир выносил решения по мелким судебным делам, не передавая дела в волостной суд. Приговор нередко тут же и приводился в исполнение: «Парень набедокурил, уличён в краже – его свяжут, приведут и выпорют».

Решения о сборе средств на местные нужды (школы, больницы, дороги и др.) мог принимать волостной или сельский сход.

Выборными лицами общинного самоуправления были волостной старшина, староста и деревенский старшина.

В связи с этим примечательна речь одного вновь избранного в 1872 году волостного старшины перед сельскими старостами: «Достопочтенные старосты сельских обществ! Видя единодушное желание волости иметь меня старшиною и зная её незавидное положение, я принял должность и священную присягу исполнять предстоящие мне обязанности согласно своему долгу; но я не надеюсь и не буду в состоянии исполнить своего долга без вашего содействия. Каждый из вас избран своим обществом, как я избран волостью... Так будем же, насколько хватит у нас сил и умения, исполнять свои обязанности – заботиться об общей пользе, прекращать споры и тяжбы, искоренять разврат и пьянство, заботиться, чтобы все в точности исполняли лежащие на обществе денежные и натуральные повинности, приводить в исправность дороги, внушать крестьянам, чтобы заботились бы о хорошем воспитании своих детей, любили бы Бога, своего Государя и начальство, которые особенно пекутся о всех нас и жалуют, чтобы все мы были счастливы и благополучны».

Подводя итог, следует отметить, что сельская община во второй половине XIX – первой четверти XX века была союзом универсального характера, удовлетворявшим все основные материальные и духовные потребности крестьян. Община способствовала воспитанию многих замечательных качеств в русском человеке, и прежде всего доброты и справедливости.

В условиях сельской общины жила и деревня Бортники, олицетворяя собой частицу Русского Мира.

Дальнейшая судьба Бортников типична и трагична, как и всей русской деревни. Последовала коллективизация, был организован колхоз, в который вошли более семидесяти дворов-хозяйств и начальная школа. Проводилась политика укрупнения, и в семидесятые годы XX века деревня Бортники попала в чёрный список неперспективных деревень, она была разорена и влачила жалкое существование.

В начале 90-х годов прошлого века в границах бывшей деревни из имевшихся 19,2 гектара земельных угодий 10,8 гектара пахотной земли разделили на приусадебные участки и раздали желающим в собственность “для ведения подсобного хозяйства, с правом строительства дома”.

Затем появился вышеупомянутый Федеральный Закон об организации самоуправления. В законе не оказалось и отзвука бесценного опыта наших предков. Этот закон оставил деревню за чертой вертикали самоуправления. Земли общего пользования 8,4 гектара: дороги, клочки неудобий, обозначенные на картографической съёмке как сенокосы и выпасы, склоны живописного ручья Песочный – всё принадлежит теперь муниципальной власти, то есть чиновникам. В отличие от дореволюционной общины, жителям деревни эту землю не доверили! Ей оставили одну “привилегию” – податную, а именно уплату земельного налога и самообложения.

Для деревни – это принципиальное антисоциальное и вредоносное отличие 131-го закона 2003 года от Положения 1861 года.

В результате если для нас дорога – жизненная необходимость, живописные склоны ручья Песочный и неудобья – это водоохранная зона, природный ландшафт и красота деревни, то для местных чиновников, в условиях близости Москвы – **это товар**.

Часть склонов ручья Песочный раскорчёваны, распахиваются под картошку и подвержены эрозии. Улицы в процессе межевания стали зигзагообразными – отдельные алчные хозяева оттяпают заборами часть дороги, а не менее алчные чиновники всегда находят с ними общий язык и оформляют им межевое дело. По таким зауженным дорогам можно только “просклизнуть”, но не разъехаться, а из-за отсутствия места под кюветы ливневые воды размывают дорожное полотно. И так не только в Бортниках, сегодняшнее состояние деревень в районе – “шанхай”.

Земельный кодекс Российской Федерации (ст. 72) предусматривает право общественного контроля за использованием и охраной земель, но на деле, как показала практика, чиновникам плевать на эту статью и на возмущённые сходы жителей деревни. Последнее время они даже не реагировали на обращения схода.

Увы! Мы в Бортниках в начале XXI века жили без электричества, дорогу к большаку можно было преодолеть только на тракторе или на УАЗе, да и в самой деревне можно было сесть на автомобиле по самые мосты. Нам ничего не оставалось, как самим попытаться преодолеть свою беспросветность. Общественную работу по возрождению Бортников мы начали в 2003 году решением схода под девизом “Возродим Бортники!”.

Затем, с целью официального диалога с чиновниками, была создана местная общественная организация **“Территориальная община “Бортники” Тарусского района Калужской области”**.

Устав общины был зарегистрирован Управлением Федеральной службы по Калужской области 31.08.2005 года. Согласно уставу сход деревни избрал совет из трёх человек. Экземпляр устава был передан в районную администрацию, где на него посмотрели косо и постарались тут же о нём и забыть. Но мы не успокоились – и вот результат нашей деятельности за истекшие годы:

1. Своими силами и средствами выполнена электрификация деревни, начиная от разработки проектно-сметной документации, смонтирована подстанция, проведена высоковольтная линия электропередачи. А в губернии, даже на паритетных началах, нам было отказано в электрификации, сославшись на отсутствие средств.

2. Выполнен капитальный ремонт ранее непролазной муниципальной автодороги между деревней Шишкино – деревней Бортники длиной в 2,3 километра. В дорогу уложено более 800 кубометров песчано-гравийной смеси.

3. Выполнен капитальный ремонт деревенских дорог – 2,7 км.

4. Построен трубчатый (диаметром 2,5 м) мост через овраг.
5. Изготовлен и смонтирован металлический пешеходный мост через овраг по ул. Лесной.
6. Обустроен деревенский питьевой родник. Установлены бетонные кольца, сделаны отмотка вокруг родника и навес.

Завершив в 2005 году электрификацию, мы вновь обратились к губернатору области теперь уже с просьбой газифицировать деревню, самостоятельно мы её никак не потянем! Решение этого вопроса было отложено на 2009–2010 годы.

В текущем году мы даже не напоминаем о себе, понимаем – кризис, но и уверенности на ближайшее будущее никакой!

В настоящее время жители деревни принимают активное участие в обустройстве памятного знака в честь 100-летнего юбилея со дня рождения Героя Советского Союза Севрюкова Николая Михайловича, родившегося в Бортниках.

Так что же позволено современной деревне в рамках знаменитого 131-го Закона?

Нам позволено проводить сход, организовать территориальное общественное самоуправление, иметь право на индивидуальные и коллективные обращения в органы местного самоуправления (писать нижайшие просьбы и жалобы).

Через всё это мы прошли, только толку от этого никакого!

Первые лица районной администрации на моей памяти не были в Бортниках более 16 лет, а глава сельского поселения “Деревня Алекино”, куда входят Бортники, не решил ни одного поставленного перед ним вопроса и ни разу не появился на деревенском сходе!

Да, сегодня в центральной России иная деревня, если и жива, то лишь небольшим количеством постоянных жителей и так называемыми “дачниками”, имеющими временную регистрацию (до трёх лет) и проживающими в деревне постоянно или сезонно. Но это не меняет сути дела.

Деревня, как приют от городской суеты, нуждается в обустройстве и сохранении.

Опыт нашей работы показал, что русский человек интуитивно тянется к общине. Даже бесправная община, попираемая чиновниками, движима одной лишь любовью к своей деревне, способна на многое. Но нам не хватает законных прав. А был бы у нас Закон о сельской общине:

- мы смогли бы сохранить пойму и живописные склоны ручья Песочный в первозданном виде для себя и потомков;
- улицы деревни имели бы цивилизованный вид, у нас была бы спортивная площадка и детский городок (сейчас для них нет даже места);
- в деревне не возникали бы земельные споры, всё решалось бы на месте по закону и справедливости;
- мы избавили бы чиновников от потока жалоб, а они наконец-то занялись бы своим делом;
- мы избавили бы судебные органы от мелких тяжб между соседями;
- мы способствовали бы более полному сбору налогов.

Вместо того чтобы распродавать леса в частные руки, порождая ненависть народа, можно было бы хотя бы условно закрепить близлежащие леса за сельской общиной. Уж она бы нашла возможность предотвратить бесконтрольную езду джипов по лесам, пикники где ни попадя с кострищами и мусором, помогала бы борьбе с браконьерами, да и лесных пожаров было бы меньше.

Кроме того, у наших детей и внуков воспитывалось бы чувство сопричастности своей малой Родине и ответственности за родную природу.

А сегодня мы имеем то, что имеем.

Возникает вопрос, а был ли шанс восстановить историческую русскую сельскую общину путём адаптации её к реалиям новой жизни?

Да, был! В начале 90-х годов был проведён Всероссийский конкурс по данной тематике. Мой земляк и друг, русский демограф Вениамин Башлачёв на этом конкурсе занял почётное третье место. В своей работе он опирался на

дореволюционный земский опыт самоуправления, составной частью которого была сельская община. Наверно, были и другие не менее интересные и ценные предложения конкурсантов.

Однако всё это было отторгнуто. Авторы ныне действующего закона пошли на это сознательно. Для этого они передрали содержание советских законов, вкрапив новые термины: сход, сельское поселение, муниципальное образование и т. п.

А “пианисты” в Госдуме, умеющие нажимать лишь на кнопки, проштамповали всё это.

Цель была достигнута: **миллионы жителей деревни остались вне правового поля самоуправления.** Чиновникам отдали на растерзание земли общего пользования, тем самым создав конфронтацию между властью и сельчанами, с одной стороны. А с другой стороны – между законопослушными и недобросовестными жителями. Для полноты картины добавим созданный чиновниками российский “шанхай” и уничтожение природного ландшафта.

И теперь не надо выходить на Волгу”, чтобы услышать, “чей стон раздаётся”. Стон от 131-го закона раздаётся по всей Руси Великой.

Еще одна проблема: жители сёл и деревень, не имеющие постоянной прописки, но имеющие недвижимость, лишены возможности избирать своих представителей в органы местной власти этих сёл и деревень. А ведь они являются наиболее дееспособной и активной частью населения.

К примеру: из 18 деревень сельского поселения только в деревне Алекино есть небольшая горстка жителей с постоянной пропиской (регистрацией). Именно из них, по настоянию местного латифундиста, депутатами сельской думы избраны... его доярки. Не хочу никого обидеть, но только в деревне Бортники два кандидата наук и есть люди, ранее работавшие в федеральных министерствах и ведомствах, но они не востребованы.

Честно говоря, существующее положение оскорбительно для любого нормального человека в деревне, и потому на основе опыта нашей общины напрашиваются некоторые выстраданные нами предложения:

1. Внести поправки в Закон о местном самоуправлении – продлить вертикаль власти в село и деревню, возродить институт русской общины с правами и обязанностями, которых её лишили в 1917 году.

2. В “Инструкцию по межеванию земель”, ст. 9, п. 9.1, при установлении границ земельного участка на местности, кроме присутствия районной или сельской администрации (которых никогда не бывает), предусмотреть – “присутствие представителя общины”.

3. Предоставить право Совету общины визировать межевое дело и тем самым прекратить земельный беспредел в деревне.

4. Внести в Закон о выборах поправки, предоставляющие право участвовать в выборах в местные законодательные и исполнительные органы власти гражданам, имеющим недвижимость на данной территории.

5. Внести в Гражданское право изменения, предоставляющие сельской общине возможность в судебном порядке изымать земельные участки, не используемые 10 и более лет (источник сорняков и пожаров) с правом продажи земли для обустройства деревенской инфраструктуры.

6. Отменить практику централизации сельским поселением (чёрная дыра) средств самообложения граждан. Эти средства должны оставаться в общине и использоваться на цели, определяемые сходом. Размер самообложения определяет сход.

Таковы наши предложения. Но, к сожалению, до настоящего времени местная власть не проявила интереса к нашим инициативам и не обратилась к опыту общины по обустройству деревни Бортники. А, в общем, по сравнению с русской деревенской общиной XIX – первой четверти XX века мы безнадежно деградировали. Дай Бог вернуть хотя бы часть бесценного наследия наших предков!

Прости нас, русская деревня Бортники, что не всё мы ещё сделали, что смогли, но мы будем продолжать делать всё что можем и возродим русскую деревню!

Юрий Иванович Фадеев
дер. Бортники Тарусского района Калужской обл.

БЕЗНАВСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО НЕЖИЗНЕСПОСОБНО

Долгое время нас пытались убедить в том, что благополучие наше всецело зависит от нашего выбора между социализмом и капитализмом. В октябре 1917 года было решено перечеркнуть капитализм и выстроить социализм. Но в 1991 году социализм с его установкой на монополию государственной собственности изрядно мешал руководящей элите КПСС, и было решено (при тайном согласовании с Западом) перечеркнуть социализм и насадить в России капитализм западного образца. Разумеется, для этого потребовалась очередная “революция”, без которой отказ от социализма мог бы выглядеть не слишком серьёзно.

И вот сегодня Россия на распутье. Перенос западных образцов на российскую почву оказался не просто труден, но и опасен по своим последствиям. Ныне на наших глазах формируется ресурсно-сырьевой гигант, функционирующий в качестве безропотного придатка Западу. Задачи России чрезвычайно просты – обеспечивать Запад дешёвым сырьём. **Россия как особая, самобытная цивилизация Западу не нужна. В свое время она не смогла послужить топливом для костра мировой революции. Зато в настоящее время она может быть втянута в процесс глобализации, то есть в создание все той же системы мирового господства.** Основная функция для России уже определена.

Впрочем, российская цивилизация ещё не погибла окончательно. Строители нового мирового порядка, в сущности, плохо осознают, что возникший в ходе исторического развития социокультурный (духовно-нравственный) фундамент нельзя разбить ни социалистической кувалдой, ни тем более капиталистической киркой. Духовно-нравственные связи удивительно прочны. И не только в России, но и повсюду в мире, где в силу естественно-исторических причин были выработаны механизмы, удерживающие социальные системы от самораспада. Механизмы эти – суть нравственные отношения между людьми. Честность и правдивость, доброта и отзывчивость, справедливость и человеколюбие, бескорыстие и взаимное доверие, уважение и скромность – все эти качества, наряду с другими принципами нравственности, составляют внутренний каркас человеческого общества, обеспечивающий его прочность и устойчивость. Благодаря этим качествам общество сохраняет себя как некую естественную целостность, в рамках которой становится возможной сама разумная жизнь, человеческое сознание, наша способность познавать и творить.

Представляется уместным вспомнить конец XIX – начало XX века в России, когда страна испытала стремительный взлет, ныне именуемый “русским экономическим чудом”. Чудо это произошло благодаря мудрой политике Александра III, всецело опиравшегося на социокультурные особенности России. Это при его царствовании было инициировано строительство Транссибирской железнодорожной магистрали и произошли мощные подвижки в сельском хозяйстве и промышленности. Известно, что тогдашняя Россия вышла на первое место в мире по темпам развития. Эти темпы по инерции сохранялись даже во времена вялого царствования Николая II. Стоит вспомнить наполненные тревогой слова английского экономиста Э. Нори: **“Если западные страны не сумеют удержать Россию, то к 1930 году ей не будет соперников. И Европа, и США окажутся на коленях перед таким гигантом”**. Не потому ли в срочном порядке потребовались революции 1905-го и 1917 годов, войны 1905-го и 1914–1918 годов? Как видим, понадобились гигантские усилия Запада, чтобы притормозить могучую поступь России, поставив её под особый контроль.

Так что же произошло на границе XIX–XX веков в России? В чём причины “русского экономического чуда”? Весь секрет заключался в создании благоприятных условий для процессов самоорганизации хозяйственной и духовно-нравственной жизни в России. Александр III чётко осознавал национально-государственные интересы России и всячески поддерживал народную инициативу. Результат был поразительный. Такого не было за всю историю России. Производственно-экономический потенциал страны удвоился за 1890–1900 годы, а затем (с 1901 по 1913 годы) удвоился ещё раз.

Важно подчеркнуть следующее. В ходе самоорганизации хозяйственной жизни в России происходила естественным путем перестройка институтов собственности, в результате которой начал отмирать наёмный труд. Возникал

феномен общей долевой собственности в рамках бурного кооперативного движения. Самое главное: интеллектуально-трудовой потенциал человека становился его собственностью, что автоматически влекло за собой долевую собственность на результаты коллективного труда. Экономика кооперативных хозяйств обрела “человеческое лицо” и мощный потенциал самоорганизации и саморазвития. При этом хозяйства не нуждались в акциях, представляющих собой, как мы теперь знаем, всего лишь инструмент для финансовых спекуляций и махинаций. Кооперативы ориентировались на воспроизводство исторических ценностей, образуемых под влиянием общинных форм жизни (взаимопомощь, нестяжательство, трудолюбие, справедливость и честность). Несмотря на революции 1917 года (февральскую и октябрьскую), русская кооперация, как писал А. Чаянов, по размаху своей работы стала первой в мире. Десятки тысяч кооперативов функционировали во всех частях России начала 20-х годов XX века.

Более того, появилась тенденция объединения кооперативов в союзы, что придало кооперативной экономике особую мощь. И хотя процесс формирования кооперативной экономики на первых порах происходил в области сельского хозяйства, важно отметить, что он имел общественные формы и находился под контролем народных масс. Кооперация, захватившая перерабатывающую промышленность в аграрном секторе, могла бы без особого труда перейти в иные сферы хозяйства, превратив Россию во флагман системы мировых цивилизаций, а также в пример для подражания. В своем известном труде “Краткий курс кооперации” известный экономист А. Чаянов писал, обращаясь, прежде всего, к российскому крестьянину: “Для тебя к светлому счастью трудовой жизни нет иного пути, кроме пути кооперативного. Знай, что этот путь – единственный путь! Сбиться с него – значит погибнуть”.

Так и произошло, к сожалению. Тогдашняя Россия избрала себе путь насильственного насаждения модели государственного капитализма, изобретенной в тиши кабинетов в качестве инструмента для организации мировой революции и олигархической мировой власти, опирающейся на наёмный труд. На глубокое высказывание А. Чаянова о том, что “экономические формы создаются не логическим, а историческим путем”, никто не обратил никакого внимания. Более того, выдающийся ученый России, лидер кооперативного движения, крупный организатор науки, блестящий педагог и патриот своей страны, погиб в заключении в 1939 году в возрасте 51 года, то есть в расцвете своих творческих сил.

Когда в 1985 году была объявлена перестройка в Советском Союзе, вновь поднялась волна народной инициативы, нацеленная на возрождение кооперативной собственности. Случайно ли это? – Вряд ли. Нельзя не сказать в этой связи о совершенно уникальном опыте в селе Шукты (Дагестан). Речь идет о созданном здесь высокоэффективном территориально-производственном кооперативном комплексе “Союз собственников-совладельцев”, организатором и председателем которого стал М. Чартаев. В рамках этого территориального кооперативного комплекса (ТКК) удалось реализовать общую долевую форму собственности, полностью исключив наёмный труд и паразитирование на манипуляциях с акциями (их в хозяйстве просто не было). Человек стал собственником определённой доли в коллективном хозяйстве, собственником результатов своего труда, совладельцем общего богатства, в том числе земельных и иных природных ресурсов. Здесь сложились фактически новые общественные отношения, новый тип жизнеустройства, принципиально отличный от капитализма и всех его модификаций. За период 1985–1996 годы кооперативы Чартаева без каких-либо внешних дотаций совершили бурный прорыв по многим показателям. Достаточно сказать, что валовая продукция (в сопоставимых ценах) увеличилась более чем в 18 раз и что уровень социальной жизни со всем перечнем услуг стал примерно в 10 раз выше, чем в среднем по России.

Распространению принципов кооперативной экономики в других районах и сферах хозяйства России помешала общая установка российской политики на слепое заимствование западной либерально-рыночной доктрины с её культом эгоизма и наживы, пошлости и нравственного растления. Сегодня мы убеждаемся в том, что нравственное загрязнение социальной среды неизбежно разрушает не только экономические, но и правовые институты общества. **Невиданные масштабы коррупции и общей бюрократизации админи-**

стративно-управленческого аппарата – это только одно из проявлений духовно-нравственного кризиса в России.

В условиях этого кризиса развитие и совершенствование кооперативных хозяйственных систем будет происходить не без трудностей. Эффективная работа механизмов самоуправления возможна лишь на основе адекватных нравственных отношений в обществе, при которых соблюдается честность и индивидуальная ответственность каждого. Известно, что сильные, плодоносящие деревья не могут расти на плохой почве. А это значит, что нынешнее нравственное загрязнение социокультурной почвы России должно стать предметом особой и всеобщей заботы.

Есть ли у России будущее? Возродится ли историческая традиция нравственной организации хозяйства и жизни на принципах коллективизма при должном уважении к интеллектуально-трудовому потенциалу каждой личности, который должен стать неотъемлемой собственностью человека? Во всяком случае, этого требуют объективное положение вещей, сама суть и смысл общественного развития, интересы сохранения и устойчивости социальной системы. Общество должно раз и навсегда избавиться от наёмного труда, представляющего собой скрытую форму рабства. **Нынешняя финансовая олигархия вынуждена маскировать свои безнравственные целевые установки и столь же безнравственные способы их достижения.**

Ослабление механизмов нравственного самоконтроля рождает чрезмерное обилие нормативно-правовых актов, но сегодня мы убеждаемся в том, что навести порядок в морально деформированном обществе одними лишь правовыми методами становится невозможно, несмотря на высокую производительность законодательных органов (многие десятки и даже сотни нормативно-правовых актов в год).

Необходимо существенное расширение полномочий так называемой юридической этики. Эта дисциплина преподается студентам юридических факультетов, чтобы обучить будущих судей, прокуроров и адвокатов “правилам хорошего тона” и корректного обращения с правонарушителями. Однако гораздо более важно глубоко вникать в нравственное содержание самих законов. В частности, время уже давно настойчиво требует понять нравственную несостоятельность конституционных положений о частной и государственной собственности (тем более о доминировании этих форм в обществе), нарушающих естественные права личности. На фоне этих положений законы о защите прав и свобод человека будут оставаться лишь проявлением законодательного цинизма.

У России есть достойное будущее. Нынешнее обрушение нравственных опор общества – дело временное. Естественная история отражает в себе объективную устремленность к самоорганизации и самосовершенствованию общественных систем. Человек подчинен нравственному императиву. В этом его спасение. Человеческие способности и возможности обязаны, наконец, стать неотчуждаемыми качествами каждого, что является обязательным условием формирования духовно-нравственного общества. Благоприятное будущее России, включая экономическое процветание, обуславливается историческими тенденциями, социокультурными особенностями русского народа, его менталитетом. Революционная (искусственная) ломка здесь неуместна. Нынешний путь России тупиковый, и подражание Западу представляется неуместным. Отказ от индивидуализма и либерализма не потребует значительных усилий, поскольку эти черты насаждались в России искусственно и не свойственны нашей психологии, нашим историческим ценностям. Капиталистический айсберг со всей его подводной частью, представленной олигархическими финансовыми структурами, паразитической бюрократией, растет в ходе становления духовно-нравственной русской цивилизации. После распада этого айсберга и нравственный климат в мире потеплеет. Это произойдет повсюду, включая Европу и США, как только рухнет бесчеловечная система господства власти и денег.

Юрий Геннадьевич Марков,
доктор философских наук, профессор
г. Новосибирск

ДЕМОНТАЖ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

Дорогая редакция!

Эти мои заметки вызваны некоторыми недоумениями, возбужденными в обществе моей книгой “Проклятие прогресса: благие намерения и дорога в ад” (М., “Алгоритм”, 2007). Высказанная в ней доктрина (если возможно так ее именовать) затронула, надо полагать, острую тему – и вот эта-то острота побуждает меня высказать возможно кратчайшим и ясным образом несколько суждений, по своему характеру довольно далеких от общепринятых.

Упомянутая “доктрина” (поместим ее все же в кавычки) и в самом деле направлена “в противоход” общему движению экономико-технологического развития в так называемых **развитых странах** и сугубо противоречит идеалам экономического “подъёма” за счет уничтожаемого природного ресурса. **Природа – не “ресурс”, а сама по себе цель.** Сегодня любая крупная международная или национальная акция с претензией на её ресурсы означает подрыв уже фундаментальных основ – оснований Жизни на Земле.

Однако прежде чем критически оценить глубокую ошибочность – если не сказать порочность – доминирующей в современном развитии технологической философии, нужно сказать несколько слов о глубинных её истоках, приведших к фронтальному антагонистическому противостоянию современных технологий как целого, ни много ни мало, самой планетарной жизни.

В самом деле, нельзя не видеть, что за крайне малый срок, на глазах у каких-нибудь нескольких поколений, технологическая экспансия привела к экологической катастрофе: именно так следует квалифицировать углубляющийся планетарный кризис технологического отравления Земли. Между тем не что-либо иное, а мировая аналитическая наука – не та или иная частная, а Большая Наука как целое – является базой этого развития и целиком ответственна за него. Не те или иные “ошибки” и отступления от естественно-научных представлений, но как раз добросовестное следование научным принципам – сделавшимся как бы идейным стержнем этой экспансии – вело и ведёт ко все большему отрыву наших корней от жизненных основ, подрыву самих этих основ и уничтожению многообразия планетарной жизни – при любом мнении на этот счёт, во всяком случае созданной не нами. Приходится признать, что не годятся к употреблению не только вершки, но и корешки. Последние поползновения практической ядерной физики в область моделирования “черных дыр” и продвинутость практической биологии в не менее “многообещающую” область скрещивания человека и животного (мотивированные, как обычно, приносимой при этом “пользой”) позволяют говорить о научном естествознании как о носителе Зла и только обнажают изначальную несовместимость атеистической науки с Божьей Тайной.

Вместе с тем это и явные признаки агонии научного познания – на самом деле никогда не познававшего ничего, кроме конечных моделей (идеализация и ограниченность модели неустранимо присущи анализу), – не могущего в принципе удерживать в своих представлениях бесконечное Целое и являющего нам сегодня в этих карикатурных образцах “фундаментальной науки” только свою настоящую суть, до поры таившуюся в так называемом “подтверждении опытом” научных теорий и морочившую обывателя “пользой” от их внедрения. Миллионнолетнее донаучное существование человечества по умолчанию третируется при этом как жалкая предыстория, а разрушение за какую-нибудь сотню лет природных кругооборотов, климатических циклов, прогрессирующая гибель бессловесных биологических видов игнорируется как нечто малосущественное и вторичное, отступающее перед “пользой” от мировой паутины, стиральных порошков, генетически модифицированных продуктов и массивированного сжигания углеводородов.

Расчет простой: одуроченный народ проглотит эту “пользу”.

Увы, научной “простоты”, когда-то так пленившей Коперника, нет в природе. Ход познания XVI–XX веков привел лишь к выдергиванию из бесконечного содержания природных явлений одиночных – действительно простых – научных законов, немедленно используемых для строительства на их основе искусственного технологического мира. В этом мире правота научных законов, по определению, уже неоспорима – вот только сам он, этот искусственный мир как целое, всё более и более враждебен жизни! Сегодня он прямо сокру-

шает её – наглядно демонстрируя этим непознаваемость мира аналитическими средствами... Сколько ещё Чернобылей и какого уровня понадобится нам для того, чтобы это увидеть? – увидеть тщету “преобразования природы”, увидеть, что наказание за эту гордыню псевдознания – вот уж поистине – неотвратимо?!

Причинные истоки несовместимости “науки с жизнью” – в самих принципах построения научной модели. Произвольное выдергивание из природного явления некоего “главного” в его содержании и неизбежное пренебрежение при этом всем бесконечным остальным его содержанием как “второстепенным” приводит к произвольному же утрированию картины мира. При последующем внедрении такой модели в практику – научном синтезе – её искаженная ограниченность мстит за себя, производя результат, прямо или опосредованно обратный нашей цели – цели блага! Ограниченная и по существу произвольная научная трактовка природного явления (по некоей дьявольской иронии именуемая его сущностью), сталкиваясь в реальности с неведомым ей, пренебреженным “второстепенным”, принуждена либо считаться с ним, либо – всё более и более – сокрушать его. Прогнозируемый результат сопровождается всё более и более масштабными непредсказуемыми последствиями: сказочный джинн выполняет наши желания, но так, что впору забирать их обратно.

Именно это мы наблюдаем в развитии большой науки от Коперника и Кеплера до Хиросимы и Чернобыля и до нынешних швейцарских энтузиастов с их адронным коллайдером, взалкавших “черной дыры” (если им не достанет сегодняшних мощностей, будьте покойны – мощности нарастят и дыры достигнут...)

Постепенность и незаметность проявления этой глубинной порчи обнажившейся предельно наглядно с первыми атомными испытаниями середины XX века – до времени скрадывается так называемым “подтверждением опытом” научных гипотез: научные достижения выступают как “победа разума”, то есть в форме, лестной для человеческой гордыни. С усложнением научных моделей пренебрежение “второстепенным” делается менее и менее мотивированным, более и более вынужденным; ошибки научного предвидения становятся всё вероятнее, а их последствия – все колоссальнее. **Мало-помалу “второстепенной” для теории становится сама жизнь на Земле.**

Синтетический, мертвый мир заглатывает все бóльшие куски живого, затягивая функциональную жизнь планеты в переработку по своей программе – программе строительства умертвляющего новообразования внутри планетарного организма. Скорость этого процесса нарастает... Вывод парадоксален: самолет летает, наука права; самолет летает, но наука лжёт.

Немало занимательного нашлось бы в возражениях заинтересованных людей, и спор, надо думать, вышел бы занятный, если бы не факт, который у всех перед глазами: **факт поражения жизни.** Чем? Технологией, вышедшими из научных школ, из самих научных представлений. С этим камнем не покружишь по философическим кругам. И времени на то не отпущено. **Мы находимся не “на пороге” экологической катастрофы, как по привычке пугают, а уже за ним, на относительно пологом её участке, и крутизна свала в её необратимость монотонно нарастает.**

Тут все дело в диагнозе происходящего, в признании обществом этого диагноза. А диагноз – вот он: современная технологическая цивилизация вошла в фазу злокачественного перерождения – налицо тому комплекс существенных признаков. И это не метафора, а именно диагноз. Это, собственно, главный пункт. С теорией, той или иной, можно было бы и смириться. А факт губительного поражения оснований жизни (а дело именно так обстоит) затрагивает, как думается, всех.

Ясно, что такого рода диагноз просто не хочется принимать: он крайне неприятен. К тому же переоценка деяний лучших умов человечества (следует перечисление многих десятков только вершинных умов)... И, тем не менее, по моему мнению: нет (и, кажется, не могло быть?) никакого научного познания, а был и есть научный инструментарий.

Разница принципиальная. Инструмент не может быть истинным или ложным, оценивать можно лишь деяния и цели его держащего. **Ныне эта цель – преобразование природы в “интересах” человечества – не просто вздорна, но подошла к порогу выживания природы.** Никакому уже и “золотому миллиарду” не избежать общей участи.

Что же следует предпринять?

На наш взгляд – попытаться обратить развитие технологической “опухоли” вспять. И в таком случае необходимо не дальнейшее ускорение, а постепенное торможение маховика прогресса, а в близкой перспективе – системный демонтаж технологического новообразования с замещением его чем-то иным, сохраняющим живую жизнь... В идеале – это демонтаж расчисленный, согласованный, последовательный, – словом, системный.

Что до самой науки, то речь идет, конечно же, о новом, более скромном месте её в культуре. В последнее время наговорено много чепухи о совместимости науки и религии. Религия и наука совместимы лишь в том отношении и постольку, в каком и поскольку находятся на разных уровнях иерархии: **религия – это мировоззрение, наука – это инструментарий.**

“Забыть” однажды открытое, разумеется, нельзя, но можно оборвать дурную бесконечность и перенаправить научный поиск, а в открытом и уже наработанном переакцентировать ценности. Ценности измерялись всегда по отношению к человеку, но не к жизни на Земле. Теперь отнюдь не “интересы человечества” в прежнем смысле этих слов выходят на первый план. “Права природы” рангом выше “прав человека”, поскольку включают их в себя. В эту сторону обречены дрейфовать и “интересы”, дело только в том, чтобы придать дрейфу осознанность, а по возможности, и управляемую активность.

Необходимо постепенное свертывание в мире прежде всего базового производства – производства энергии, основанного на одностороннем преобразовании её носителей, а если и развертывание, то только “циклических” энергопроизводств, – в частности, возврата из атмосферы рассеянного энергетического тепла. (Для не физиков отметим, что тут нет противоречия термодинамике, поскольку Земля – не замкнутая система, есть внешний источник – Солнце). Никакой не “термояд”, а развитие энергетики такой и постольку, какая и поскольку обеспечивает существенный возврат рассеянного тепла – энергетический кругооборот, – такова задача уже сегодняшнего дня (задача, конечно же, научная). Сжигание углеводородов и атомная энергетика – это вопиющие антиподы сказанному. Именно здесь необходим глобальный закон главного ограничения – мировой закон об ограничениях на одностороннее производство энергии. Разработка и принятие этого первого декрета “новой эры” заступают на место благих пожеланий и академической болтовни о “ноосфере”.

Речь идет, таким образом, о существенных мировых ограничениях (в близкой перспективе – запретах) на дальнейшее развитие атомной энергетики и сжигание нефтепродуктов (стало быть, на добычу нефти), а с ними – и на другие технологии, наносящие злостный ущерб природе – космические запуски, мощное радиоизлучение, производство искусственных (химических) удобрений и т. д. Необходимо выделение временно допустимых форм производства – оборонных и других, с усугубляющимися опять-таки ограничениями и для них и с параллельной разработкой альтернатив в части транспорта, отопления и т. д.

В идеале – это “мимикрия” технологий “под природу”, при которой отходы и самые продукты технологий земная жизнь могла бы “опознать” как своё и включить в свои кругообороты.

Необходима выработка экономических категорий, учитывающих невосполнимость природного ресурса и бесконечную в таком случае его стоимость: таких, например, категорий, при учете которых – деятельность, к примеру, Байкальского ЦБК становится резко убыточна, а его демонтаж – экономически целесообразен!

И, вероятно, важнейшее: необходимо восстановление и воспитание в обществе глубоко религиозного уважения к Тайне Жизни, а в науке – воспитание жреческого, охранительного отношения к ней. Лишь на этой базе возможно развертывание общественных движений за демонтаж технологической цивилизации. Нужно осознать, что это путь во спасение жизненных процессов, самой функциональной жизни на планете; что продукты современного “прогресса”, его нарастающие “удобства” – в сущности искус и зло для самого человека. Их производство всё менее обусловлено необходимостью и всё более – низменными движителями: суетность, алчность, зависть, лень, Зло с заглавной буквы – именно подобные стимулы наиглавнейшим образом движут нынешний научно-технический прогресс.

Легко видеть, что вышеперечисленные — наивные, слабые — пункты, едва намечающие путь, содержат крупные научные задачи. Нет, стало быть, и речи о каком-то “запрете на науку”, скорее, напротив: она обретает в известном смысле свое истинное назначение. Вместе с тем её место в человеческой культуре самым неизбежным образом должно стать существенно иным — или развитие человечества свернёт на проторенный, новоинквизиторский путь.

Необходим высококвалифицированный и высокополномочный контроль над научными исследованиями. Сегодня это в особенности исследования в области ядерной физики, генетики, в области так называемых “торсионных полей” (психотронное оружие) и не в последнюю очередь — биологии и химии. Необходимо восстановление и усугубление существенных запретов в области генетических исследований и геной инженерии; это даже в особенности. Науку самым настоятельным образом нужно сориентировать (образумить, принудить, заинтересовать) в охранительную сторону, чтобы предотвратить поруганной земной природе возможность самовосстановиться, оставив её в покое (нужно ясно сознавать, что если наука всерьёз возьмется за “спасение” земной природы, земной жизни уже точно каюк). Технологии, разъедающие сегодня самое “нутро” природы, нужно свёртывать, а не развёртывать!

Но что является целью: поставить зеркало перед развитием и повернуть это развитие вспять? Вот как раз это не только невозможно, но и прямо не то. Блудный сын возвращается не к прошлому, а к отцу. Движение это — с положительным знаком; никакого противоречия тут нет: движение, если угодно, продолжается вдоль той же вечной “спирали”...

Вероятно, необходимо и последнее замечание по поводу возможного ложного толкования настоящих замечаний: отнюдь не Россия должна “отвечать” за всех, отнюдь не Россией в каком-то одностороннем порядке должно быть инициировано какое-то саморазведение перед волчьей стаей (может быть, худшее в этом смысле для России уже и позади). Но только совокупно весь “цивилизованный мир” и, прежде других, страны Европы и США — сжигающие более кислорода, отравляющие более воды, губящие более биосферу, раздирающие более “озонную дыру”, захламляющие более ближний космос и т. д. — будут самым неизбежным образом проникнуты необходимостью смены знака технологического развития, — снижения первым делом скорости наращивания производств в мире, а из них прежде всего производства энергии.

То, что при этом необходимо опираться на “разумную договоренность” (и прежде других, межгосударственную), может породить довольно глубокий пессимизм, — но гораздо более обоснованный пессимизм содержат в себе перспективы дальнейшего развития технологической “опухоли”.

Кто остановит человечество на его гибельном пути? Крепчайшую сталь одолеет более крепкая — или ржавчина. Ржавчина одолеет и ту сталь, которую бесцельно атаковать “в лоб”. Силы, более “крепкой”, чем технологическая цивилизация, и противостоящей ей, в земном мире нет — иначе бы последняя не победила. В земном мире есть единственная сила, потенциально способная её одолеть и соизмеримая по мощи с ней самой — сила, создавшая её саму. Эта сила — “маленький человек”, который принял к сердцу, что пришла пора “разбирать” содеянное, что работа эта, будучи направлена на спасение планетарной жизни, стало быть, на самоспасение, — разумна, необходима и благородна, что она совсем не элементарна, требует душевных и творческих усилий, что она прибыльна, что она стимулирует развитие науки и т. д.; словом, сила эта — маленький человек, так или иначе признавший единственность и, стало быть, разумность пути. (Этот человек, заметим, более всего дорожит разумностью...)

...Но возможно ли такое? Не сторожит ли и тут нас самый отвратительный, вечно одурачивающий нас, подлейший и лукавейший оптимизм? На самом деле крайне сомнительно, чтобы что-либо, кроме катастрофы, могло (и то на время) образумить энтузиастов “прогресса”, а главное — массового потребителя его продукции. Отвыкнуть от “удобств” радикальнее всего помогает фугасная бомба, попавшая прямо в дом. И тогда оказывается, что можно и без удобств...

И что вполне ожидаемо — к тому еще перед самой “бомбой” явятся самые новейшие фонды и самопередовейшие издания, назначенные исключительно к “спасению природы”, внедрению очередных “безотходных” технологий (ко-

торых вовсе нет) и сокращению (разумеется!) технологий самовреднейших – результат какого сокращения предсказуем и может сделаться сильно похож на недавнее “сокращение” у нас управленческой бюрократии, – разумеется, увеличившее её численность!

И все-таки... железо одолеет не другое железо, но ржавчина. Тот маленький человек с маленьким гаечным ключиком, который собирал всё это – только он всё это и разберёт. Общественные движения, на разных уровнях понимания проникшиеся идеей бессмысленности и опасности технологической гонки – сила, разъедающая индустрию изнутри, одна имеет шансы её одолеть. Что же до постоянных ссылок на западное развитие как образец для вечного его “догоняния” – это свидетельствует только о том, что с них и нужно начинать... Напрасны внедряемые в бытовое сознание представления о некоей “экологической чистоте” мобильных радиосредств, магнетронных (микроволновых) печей, водородных (тепловых!) двигателей и т. д. и т. д. – напрасно усердствует в этих усилиях телереклама: разбитое корыто дожидается всех пользователей только с более острым разочарованием в конце.

Это все эмоции, скажут нам, сотрясение воздуха! – Конечно, воздуха, а чего же ещё? – **Воздуха – который ещё возможно сотрясать, потому что им возможно ещё дышать.**

Алчность, именуемая нынче “предпринимательской инициативой”, и её лукавое поощрение, подлейшее именуемое “демократией”, не имеют иных ограничительных механизмов, кроме жёсткости наказания – как это и практикуется, например, в Китае против хищничества по отношению к собственному природному ресурсу. Звери и иные обитатели сибирской тайги не могут адресоваться в международный трибунал и потребовать кары для хозяев “Интерлеса” и изгнания китайских экспортеров леса с нашей территории.

По-видимому, сегодня одна только государственная жестокость по отношению к инициаторам подобного “экономического развития” может положить ему предел – и в таком случае она и должна встать на место болтовни о “ноосфере” и нелепых надежд оптимистов на торжество Разума. В этой борьбе против духовной черни нельзя уступить, ибо духовная чернь слепа.

Мы “одной крови” с природой, мы и по сей день способны, но не желаем слышать её язык, мы обалдели от своей цивилизации и смотрим только в нее, как помешанный в точку. Но на самом деле мы – плоть от плоти Жизни, мы – Она сама, мы её певцы и её неразумное творение. Майская говорильня скворца заставляет нас вспомнить позабытую, но не утраченную её суть, озадачивая нас бессмысленностью нашей деятельности, повседневных наших деяний, полностью оторванных от этой сути и направленных ей во вред, побуждая нас к иному... Чему? – Не тому, чтобы глазеть, как чьи-то “инвестиции” перерабатывают живой лес в труху и отраву. И не тому, чтобы скупать никчёмную китайскую “электронику”, вывозя при этом нашу тайгу.

Чему же?..

Задумаемся над этим.

Михаил Алексеевич Жутиков,
кандидат технических наук
г. Москва

НА РУССКОМ СОБОРЕ

Уважаемая редакция моего любимого журнала!

Хочу поделиться своими впечатлениями о работе 13-го Всемирного Русского Народного Собора, который проходил в Москве 21–24 мая этого года. Участником его мне привелось быть. Я ехал в Москву с приподнятым настроением, потому, что ехал на Русский Собор! Хотя по интернету узнал о ненастной погоде в столице, хотя уже и над чернозёмными просторами небо стянуло холстом облаков, но это не могло повлиять на настроение. Это был мой четвёртый по счёту Собор. Он заинтересовал меня особо: **одной из тем, которую предстояло обсудить, была тема об извечном пороке нашей жизни – пьянстве и борьбе с ним.**

... Батюшки озаботились пороком. И хорошо! Прежде, до 90-х, их держали на расстоянии от острых проблем гражданского общества, – вспомнилась милицейская жизнь.

Один из участников говорил:

– В Европе потребление крепких спиртных напитков на среднего европейца 4 литра, а в России – 14 литров!

Другой:

– Если исходить из цены, то у нас в 4 раза выгоднее напиться водкой, чем пивом. В 2,5 раза – чем вином... Дешёвой водкой сами толкаем молодёжь к тому, чтобы спивались...

Третий:

– Наш бич – “палёная” водка! Суррогат! Вот возьмите водку с названием “Золото славян”, – название-то какое придумали! Её отпускная цена 17 рублей! Это прямая дорога к спаиванию...

Еще один:

– Если раньше доход государства от водки был 12–25%, то понятно, что нынешние её частные производители за неё глотку перегрызут!

Еще:

– Разливают суррогаты, которые убивают. Как понять такого производителя? Честный производитель качественного товара должен ведь заботиться об увеличении времени жизни людей, а он его сокращает... Цель – скорее нажиться, а потом – хоть потоп...

Еще:

– Во Франции запрещена любая реклама алкогольных продуктов, которая бы разжигала желание пить. А у нас так разрисуют бутылку...

Я слушал эти слова, и во мне всё сжималось: раньше я так остро не реагировал на эту тему. Когда работал в вытрезвителе, тогда передо мной витал только призрак порока.

“Но то было другое время!”

Становилось жутко от мощи “алкогольного лобби”, от силы его собрата “пивного лобби”, которых хотели одолеть, да не получилось пока, от стремления “алкогольных баронов” нажиться, нажиться на чужой трагедии, на “палёной” водке, которая рекой течёт с почти легальных разливных точек и своей дешевизной уносит тысячи жизней.

Я уже собирался выступить, как тут седовласый профессор поднялся за трибуну:

– Безнравственная экономика опасна... Надо менять стиль жизни...

... Собор переходил от одного мероприятия к другому. Побывал я в походе на ковш Измайловском спортивно-зрелищном комплексе, арену которого наполнили звуки церковных хоров, говор тысяч собравшихся на встречу с Патриархом студентов.

Я осыпал после “бега” от Дома писателей на Комсомольском до метро “Парк культуры”. Потом от метро “Черкизовская”, когда обгонял девушек и юношей – курсантов-милиционеров, курсантов военных училищ. Все спешили на встречу.

По дороге вспоминал то, что только что обрушилось на меня в писательском доме: разногласия мнений – от монархистов до коммунистов, но почему-то согласных с Кириллом; разговоры о том, что снова начались гонения на захороненных в Кремлевской стене советских маршалов, что о сожженных немцами русских деревнях у нас забыли, а о Хатыни в Белоруссии, Лидице в Польше, Орадуре во Франции там не забывают, о проталкиваемых в общество идеях, что русские не имеют будущего... и о многом другом. Всё это наши новые реалии, с которыми сталкивает нас судьба.

Мой “бег” был вознагражден. Стоило только выйти из наслоенных, как пирог, пролётов на трибуну комплекса, как меня подхватили звуки хора. Женщины в строгих костюмах с сиреневыми шарфиками до пояса пели:

– Гей, славяне!..

“Гей, славяне”.

Голоса хористок окутывали рассаживавшихся студентов, чьи аплодисменты изредка вторили хору.

Женщин сменили девушки в светлых блузках, бордовых юбочках и в туфельках. Более низкие голоса заполнили зал. Их прервали крики “браво”.

Появились танцоры в одеждах стрельцов, которые ушли со сцены под овацию.

Разливалось русское, народное, пропитывало Россией, ее житьём-бытьём. Её корнями.

“Хлопают от души! И ведь не какой-нибудь Алле Пугачевой!” – заметил я.

Попросили выключить телефоны, и все замерли в ожидании. Слева направо по рядам пробежали хлопки. Потом справа налево.

И вот, уверенно держа в руке посох, снова в белоснежном куколке, в центр арены прошел Патриарх Кирилл. Ему дали слово, и он, не заглядывая в бумажку, заговорил.

Патриарх говорил о том, как беден человек, у которого жизненная перспектива ограничивается только земным бытием... О том, как сам пришел к вере... О том, что вопрос верить или нет, нельзя решать по остаточному принципу: вот соберусь на пенсию, там в храм и пойду... Какой урон русские понесли от того, что на семьдесят лет прервалась связующая нить времён... И какие титанические усилия предстоит положить, чтобы возродиться...

Я с чем-то соглашался, с чем-то нет, но слушал, радуясь, что и в России появился иерарх, который может говорить тысячам людей и повести их за собой.

– Если вера ассоциируется у вас с книгой, поставленной на полку, то вы обделены...

“Точно”.

– Реагировать на окружающий мир не с точки зрения страстей и эмоций, а с точки зрения убеждений. Сопрягать убеждения с реальностью...

... Мы вошли в период кризисного бытия... Смешно говорить, что ипотечные проблемы привели к кризису... Это кризис потери нравственного чувства... Торговать деньгами! Играть на курсе валют! Из воздуха делать миллиарды!

Зал взорвала буря хлопков.

Он продолжал:

– Если наш народ сможет сопрягать небесное и земное, веру и знание, нравственное и проявление силы в социуме, мы будем сильны. А если соблазнимся на “измы”, то, может, страна уже и не выдержит...

Выступление Патриарха закончилось овацией. Я не мог припомнить случая, когда так внимательно слушали и так долго и восторженно рукоплескали. На следующий день пошёл на Красную площадь на Васильевский спуск. На душе радовалось: “Батюшки вышли из келий”.

Чем дальше я продвигался по Варварке, тем громче слышались бравадные песни, словно я шёл не на встречу со Святейшим, а на маёвку.

Но вот на бровке Боровицкого холма обозначился силуэт Покровского собора.

Шатровый столп, как и луковичный купол Храма Христа Спасителя, цеплял тучи. И назло непогоде сказочными маковками играл собор, называемый в народе Василием Блаженным.

На сцене под бровкой холма хор подростков сменял хор взрослых. Ниже по Васильевскому спуску у металлических ограждений собирались зрители.

С Варварки показались хоругви, иконы. Покрытая морем зонтов колонна стала приближаться, выросла облачениями священников, дьяконов, монахов. Шеренга за шеренгой они вливались в пространство между металлическими ограждениями, за которыми остановился я, и сценой.

Зазвенели колокола звонниц Покровского собора, ряды выровнялись, уплотнились, уступая место другим.

– Это со служб, – сказала стоявшая рядом со мной прихожанка какого-то храма сынишке.

“Во скольких же тогда церквях сегодня служба? – подумал я. – Судя по батюшкам, в сотнях”.

Сверху не то что брызгало, а лило. Лило с громом. Но я не чувствовал, мокрый я или сухой. Даже озноб уже не пробежал по телу.

Пробили куранты, стрелки часов на Спасской башне сошлись в вертикали. Гулкие удары колокола за башней возвестили о другом крестном ходе: хоругви и иконы показались с противоположной Варварке стороны – с Красной площади.

“Со службы в Кремле... — догадался я и, вспомнив былые парады, подумал: — Прежде здесь была военная мощь, а теперь духовная”.

Звон колоколов из Кремля подхватили колокола Покровского собора. Все оживились.

На площадке собора, которая, как горка, возвышалась над собравшимися, показались владыки в праздничных облачениях, под зонтиком-куполом появился Патриарх Кирилл.

“Патер — отец, арх — начальник... Начальствующий над отцами... Вначале отцов стоящий...”

Он и стоял, как пастырь, озирая свою огромную паству.

Патриарх зашел:

— О преславных славенских учителях просветителях святых равноапостольных Кирилле и Мефодии помолимся...

Резко подхватил хор, голоса понеслись над Замоскворечьем.

— Всех вас, дорогие владыки, отцы, и братие, и сестры, сердечно поздравляю с государственно-церковным праздником — Днём Славянской письменности и культуры. Мы начинаем этот праздник молитвой, потому что так хотели сами равноапостольные Кирилл и Мефодий, создавшие славянскую грамоту и азбуку...

... Когда предыдущие поколения встречали грудью врага, желавшего поработить страну, когда проходили через междоусобицы и даже через годы беспамятства и осквернения святынь, в глубине народной жизни всегда сохранялось это глубокое нравственное ядро, положенное святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием...

Я желаю всем вам крепости и силы духа, хранения непреходящих ценностей нашей культуры и духовной жизни...

Так закончился Русский Собор. Я возвращался домой полный сил и желания выложиться, одолеть нравственную порчу, отдать своею предназначению до конца. Долгу адвоката, долгу писателя, долгу воронежца — патриота своего любимого города и всей России.

Михаил Иванович Фёдоров,
адвокат, писатель
г. Воронеж